

МОДЕЛЬЕР В ТЕАТРЕ

Вячеслав Зайцев повлиял на сознание наших людей больше, чем кто-либо и что-либо

Независимая газета. — 1998. — февр. — с. 9, 10

ВТОРОГО марта ему исполняется 60 лет... Я даже не помню, честно говоря, как я с ним познакомилась. Воспоминание о знакомстве не застряло в голове. Тут, вероятно, сыграло роль то, что обычно определяют словами «не так круг узок, как слой тонок». Не помню, в каком это было году, помню, что это было очень давно, Слава тогда только начинал. Не помню, с чего началось наше знакомство и кто нас познакомил. Может быть, Галя Соколова, потому что она с ним ездила отдыхать в Щелыково, когда он еще чуть ли не только что закончил учиться и Слава женился на Марине, это было еще до рождения Егора. А может быть, и кто-то другой. Теперь уже кажется, что это было всегда. Он меня с самого начала потряс невероятным фанатизмом по адресу того, чем он занимался. Человек, ненормально взвизгивающий от любого рассказа про то, чем он занимается, от любой идеи, которая его посещала, можно было влюбиться в него мгновенно от того, как у него загорались глаза, когда он говорил о своем деле, — казалось, речь его должна вот-вот перейти в речитатив, а потом в пение.

Постепенно я узнала, что он из Иванова, — а у меня дядя в Иванове работал в Театре оперетты; потом я узнала, что мама у него была уборщицей на ткацком комбинате, потом, что в семилетнем возрасте он сыграл в театре Сережу в «Анне Карениной», — мне он рассказывал, как мама вела его в театр, — такие разные и странные детали. А мама, при том, что она была уборщицей, пела в хоре, и я всегда говорила Славе, что, глядя на него, можно поверить в переселение душ. Я видела его папу, знаю, какие у него братья, — было непонятно, откуда он появился с таким отношением к искусству, к слову, к красоте.

Помню, как трогательная его мама, которую Слава обожал, приезжала к нему из Иванова в беленьком платочке. И он не знал, как ее развлечь, как ей лучше показать Москву. Говорил: «Мама, сегодня мы пойдем в цирк». Она, которая его тоже обожала (у Славы есть братья, но это был особый ребенок для нее), отвечала: «Ой, сынок, ты не обижайся, но я с тобой не пойду». Он спрашивал: «Почему?!» — «Ну так, — стеснясь, — мне неудобно, ты же ведь одеваешься, как петух», — говорила мама, приехавшая и увидевшая Славу в макси-пальто. Это было в то время, когда Слава внедрял в массы макси-пальто. И не то, что ему это было неловко, наоборот, он носил его со светом в глазах.

Однажды в набитом автобусе, который ехал по площади Дзержинского, он едва держался в толпе и бабки начали уже толкать его локтями и почти рвать это бежевое макси-пальто, приговаривая: «Как тебе не

стыдно? Посмотри, чего надел!» И Славик, не найдя никаких аргументов в оправдание, говорил: «Я не понимаю, почему вы возмущаетесь. Ну посмотрите, ведь стоит же Дзержинский в макси-шинели, вы же не возмущаетесь».

В те годы было много людей, оказавшихся жертвами той жизни, тех условий, — были невыездными, не получали работу там, где хотелось им работать, и все они громко, хотя и по-разному переживали эту свою особую роль. Кто громыхал на эту тему, кто пытался сделать из себя жертву, а он принимал естественно, как все в этой жизни. Потом уже, — мы успели сделать спектакли, один спектакль уж точно, — я узнала, что Зайцева, оказывается, хотели выгнать, кажется, со второго курса — за то, что он как бы эстетствовал. Не выгнали, но недовольство затаили. И когда он закончил учиться, его в отместку, несмотря на то что на него уже пришла заявка из Дома моделей (лучшее трудно было тогда представить, — это была «вышка»), за все его эстетство послали в Дом моделей рабочей одежды. Что было даже не издевательство, а глумление над таким, как он, — с его не просто любовью, а можно сказать, с вирусом к красоте во всем. А что такое была тогда рабочая одежда — синие или бурые телогрейки, в которых ходили в лагерях, и синие халаты.

Но что делает Зайцев, придя туда? Он не плачет, не стонет, не пишет из подземелья возмущенные или слезные письма, — он берет войлок, из которого делают валенки, каким-то образом красит его в разные цвета — фиолетовый, красный, зеленый, желтый, делает цветные валенки, цветные телогрейки из ситца (что потом, через много лет, вошло в моду!), берет с собой одну какую-то манекенщицу и отправляется по деревням. И с той невероятной страстью, с какой он сейчас показывает свои коллекции от кутюр, он едет по деревням и показывает эти цветные платки и цветные валенки, цветные телогрейки.

Сейчас, вспоминая об этом, я думаю, что Зайцев повлиял на сознание наших людей больше, чем кто-либо и что-либо. С какой болью и страстью, когда уже началось влияние телевидения на толпу, он толпу эту гипнотизировал, уговаривал, умолял не носить эти жуткие синие, как он говорил, саркофаги, а на самом деле пальто с какими-то коричневыми меховыми воротничками, в которых женщины тогда ходили. Он говорил: «Ну лучше без воротника, но только не носите эти синие пальто», — точно это было делом его жизни и он спасал человечество от какой-то беды. Такое равнодушие — его прекрасная черта; в нем никогда не было надменного ощущения себя над серой толпой, наоборот, он всегда хотел хоть чем-то эту толпу сделать лучше и жизнь этой толпы хотя бы чуть-чуть подкрасить.

(Окончание на стр. 10)

Последняя примерка. Вячеслав Зайцев и Марина Неелова в театре «Современник». Фото Михаила Гутермана